

Развитие литературы в XVII в. очень слабо связано в «Истории» Стендер-Петерсена с историческим процессом. Вся историческая обстановка XVII в. рассмотрена во «Введении» (§ 11 — «Die Zeit des Smuta»), после чего автор к ней уже не возвращается. Однако «Введения» этого явно недостаточно для характеристики всего XVII в., так как оно ограничивается описанием крестьянской войны и интервенции первого десятилетия, закончившихся избранием на престол Михаила Романова в 1613 г. (при этом ничего не сказано о роли народных ополчений, о Минине и Пожарском). Упомянув вскользь об Уложении 1649 г. и окончательном закреплении крестьян, Стендер-Петерсен переходит сразу к реформам Петра I.

Связь литературы с общим историческим развитием нарушена еще и тем, что А. Стендер-Петерсен располагает произведения XVII в. не в хронологическом порядке, а в соответствии со своей схемой. Сначала им рассматриваются произведения, не подвергшиеся еще западноевропейскому влиянию: произведения «Смутного времени» (всей первой четверти XVII в.), московское стихосложение, «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича, рекомого Скопина», «Азовская повесть», жития Никона и Аввакума. Дальнейшие изменения в литературе Стендер-Петерсен теснейшим образом связывает с идеями, проникающими в Москву с Запада. Так как западноевропейские произведения попадают на русскую почву, как правило, в польских переводах через польско-украинское влияние, то центральное место отводится Стендер-Петерсеном характеристике западнорусской культуры и западнорусской литературной жизни, а также западнорусскому силлабическому стихосложению и драматургии. Только после этого он обращается к драматургии московской, духовной и светской. Следующие параграфы посвящены переводной литературе XVII в. и только последние два — оригинальной русской прозе или, как называет ее Стендер-Петерсен, московскому роману, куда включаются такие произведения, как повести об Иулиании Лазаревской, о боярыне Морозовой, о Савве Грудцыне, Фроле Скобееве, Карпе Сутулове и фактически уже произведения XVIII в.: «История о российском матросе Василии Кариотском», «История об Александре, российском дворянине» и «История о российском купце Иоанне». Русская сатирическая литература попала у Стендер-Петерсена в раздел о переводной литературе и поставлена им после фацеций и польских жарг.

Обращает на себя внимание еще одна особенность изложения литературы XVII в., связанная с общим построением темы у А. Стендер-Петерсена. Стихосложение и драматургия в системе расположения материала, да, пожалуй, и по количеству посвященных им страниц, преобладают над прозой.

Общая картина литературы XVII в. представляется Стендер-Петерсену пестрой и хаотичной, «своеобразной смесью канцелярского языка с архаическим хроникальным и церковным языком», сочетанием «объективного изображения действительности с фантастической картиной мира авантюрных романов, циничного отношения к жизни с любовной чувствительностью, деликатности с неотесанными правами». Эти различные «элементы» лежат непосредственно и без взаимной связи друг возле друга, что, по мнению Стендер-Петерсена, очень характерно для культурного и социального хаоса, господствовавшего накануне петровской реформы (316).

Повести «Смутного времени» относятся в изложении Стендер-Петерсена к числу произведений, еще не подвергшихся непосредственно западному влиянию. Все они, за исключением только повести Катывева-Ростовского, подчиняются еще старым литературным нормам, близки к летописям, авторы их пишут украшенным риторическим стилем. Новым в этих произведе-